

птушак, насякомых, а самую нешматлікую – фразеалагічныя адзінкі з назвамі рыб.

Фальклорныя сваімі вытокамі, фразеалагізмы з фаўністычнымі назвамі паказваюць на цесную сувязь чалавека і прыроды, адлюстроўваюць мудрасць народа, раскрываюць яго духоўную культуру.

УДК 821.111(94):791

Студ. М. В. Макарчук

Науч. рук. ст. преп. О. Н. Гусева
(кафедра беларускай філалогіі, БГТУ)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РОМАНА М. ЗУСАКА «КНИЖНЫЙ ВОР» И ЕГО ЭКРАНИЗАЦИИ

XX век стал временем создания и развития новых синтетических видов искусства. Появились кино, телевидение, компьютерная графика. Особое значение при этом приобретает проблема художественного взаимодействия литературы с другими видами искусства. Одно из ярчайших явлений такого рода – взаимодействие литературы и кино в процессе экранизации художественных произведений.

Сегодня мнения насчет того, что лучше – книга или фильм – разделяются. Художественный фильм – это возможность отдохнуть. Что касается книг, то известно одно: чтение полезно, поскольку во время чтения мозг человека выполняет сложные операции. Это развивает воображение, заставляет думать, переживать.

Многие люди, которые прочитали книгу, а потом посмотрели снятый по ней фильм, разочаровываются. Целью нашей работы является сравнительный анализ романа М. Зусака «Книжный вор» [1] и его экранизации режиссёром Б. Персивалем.

Сначала проведем сравнение названия книги и поставленного по ней фильма. Название книги «Книжный вор» имеет обобщенное значение. Читатель может только предположить, что речь пойдет о человеке, который ворует книги. Возможно, что воровство – увлечение или основной заработок героя. Понять, что речь пойдет о девочке, не умеющей читать, увидевшей книгу и своровавшей её, по названию романа нельзя. Название фильма «Воровка книг» индивидуально и прямо указывает на главную героиню, а значит, не так интригует читателя [2].

Композиция книги – линейная. В романе рассказывается о Лизель Мемингер, ее характер раскрывается через поступки, внутренние монологи. Особое значение имеют авторские отступления – монолог

Смерти. Роман «Книжный вор» – история, в которой, среди прочего, рассказывается об одной девочке, о значении разных слов, о фанатичных немцах, о еврейском драчуне, о множестве краж и т. д. Это роман о силе слов и способности книг вскармливать душу. Режиссер же нарушает композицию романа: раскрывает значение «Хрустальной ночи» 9–10 ноября 1938 г., подробно рассматривает отношение Лизель с приёмными родителями и Максом Ванденбургом, но при этом опускает ключевые моменты взросления Лизель, ее отношения со сверстниками, сводит к минимуму книжные впечатления девочки, которые дали интригующее название книге и сыграли важную роль в формировании её личности. Такие изменения связаны с необходимостью уместиться в продолжительность полнометражного фильма. Кроме того, с точки зрения законов кинематографа, это вполне оправданное решение: наглядность событий в жизни Лизель и её близких имеет важное значение [3].

Главная героиня предстает перед нами девочкой девяти лет [1]. «Волосы у нее были сорта довольно близкого к немецкому белокурому, а вот глаза – довольно опасные. Темно-карие. В те времена в Германии мало кто хотел бы иметь карие глаза» [1]. В фильме образ главной героини передан канадской актрисой Софи Нелисс, которая открыла характер Лизель Мерингер, силу духа, её волю. Однако можно заметить характерные отличия от книжного варианта: она старше своей героини на четыре года; цвет глаз актрисы – голубой, что является отличием от книжной версии; волосы актрисы хорошо уложены, в книге – это косы, которые сначала заплетала её приемная мать, потом и сама девочка, после игры в футбол волосы могли быть растрепаны. Это отсутствует в фильме.

В книге можно увидеть разнообразие красок. «Люди замечают краски дня только при его рождении и угасании, но я отчетливо вижу, что всякий день с каждой проходящей секундой протекает сквозь мириады оттенков и интонаций. Единственный час может состоять из тысяч разных красок. Восковатые желтые, синие с облачными плевками...» [1]. Мир фильма черно-белый, преобладает серый предвечерний сумрак. Режиссер отдает предпочтение только двум временам года – осени и зиме.

Режиссер внес несколько изменений в сценарий, чтобы ярче передать состояние того времени и самой героини: 1) показал еврейские погромы, «Хрустальную ночь», 2) заменил плюшевого мишку фотографией брата, 3) не показал домашние обязанности Лизель (помощь приемной матери), 4) изменил причину призыва отца в трудовую армию (кусок хлеба для еврея), 5) изменил подарок, полученный Лизель

(Лизель получает в подарок самодельную тетрадь для записей, а в романе – это была самодельная книга рисунков Макса Ванденбурга), б) уменьшил количество второстепенных героев [2].

К сожалению, Б. Персеваль делает главный акцент только на одном еврейском погроме, о котором знают зрители из учебников истории, но избегает фактов планомерного уничтожения немецких евреев, что снижает ощущение боли и сострадания к убитым людям.

Таким образом, анализ показал, что фильм значительно отличается от литературного оригинала.

Во-первых, фильм затянут, ход событий неспешный, не совсем полной является проработка образов. Но повествование, как и в книге, ведётся от лица Смерти – таинственного духа, который спокойно ждёт встречи с людьми, зная, что однажды эта встреча случится. Поэтому голос рассказчика в фильме мягок и нетороплив, он особым образом окантовывает сюжет, делая его легче для восприятия. Разумеется, не так легко заставить массового зрителя посмотреть фильм, который начинается с похорон маленького мальчика. Фигура Смерти позволяет преодолеть психологический барьер, и реализована она в фильме удачно.

Во-вторых, основное внимание зрителей сосредоточено на тройке главных героев. Наивная Лизель замечает, в основном, только хорошее. Социальные катаклизмы, происходящие на её глазах, не осознаются ею в полной мере.

В-третьих, отсутствие второстепенных героев (фрау Хольцапфель и её сын, фрау Диллер, Томми Мюллер, Пффификус и др.) не раскрывает сложный характер взросления девочки, её взаимоотношения с окружающими, создает картину сказочного сюжета оторванного от реальности.

Таким образом, фильм Б. Персивала «Воровка книг» снят по мотивам романа М. Зусака «Книжный вор». При сравнении романа и фильма мы определили, что сюжетная линия романа прослеживается с некоторой режиссерской интерпретацией. Режиссер подробно рассматривает отношение Лизель и приёмных родителей, Лизель и Макса Ванденбурга, опускает ключевые моменты взросления Лизель, ее отношения со сверстниками. Не все проблемы переданы в фильме. Есть моменты отступления от первоисточника, а значит, считать фильм полноценной заменой книги было бы несправедливо.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зусак, М. Книжный вор / М. Зусак; пер. с англ. Н. В. Мезина. – М.: Издательство «Э», 2017. — 608 с., ил.

2. Воровка книг [Видеозапись] / реж. Б. Персивал; в гл. ролях: Софи Нелисс, Джеффри Раш, Эмили Уотсон, Бен Шнетцер, Нико Лирш. – М.: Премьер-видеофильм, 2013.

3. Рецензия на фильм «Воровка книг» / Фильм.ру [Электронный ресурс]. – 2013. – Режим доступа: <https://www.film.ru/articles/horoshienemcy>. – Дата доступа: 31.03.2018.

УДК 39(476)

Студ. Н. В. Попеня

Науч. рук. ст. преп. Н.Е. Савицкая
(кафедра белорусской филологии, БГТУ)

ИСТОРИЯ СЛУЦКОГО ПОЯСА

Слущкие пояса признаны во всем мире национальной реликвией белорусского народа как уникальный вид ручного ткачества и символ самоопределения нации. Эта замечательная страница в историю Беларуси была вписана во второй половине XVIII – первой половине XIX веков, когда на мануфактуре, принадлежавшей князьям Радзивиллам, было налажено производство поясов тончайшей работы [1].

Искусно выполненные шедевры ткачества создавались на протяжении середины XVIII – первой половины XIX века на местных мануфактурах, самой известной из которых была Слуцкая.

Мода на узорчатые тканые, широкие и длинные пояса восточного стиля пришла на белорусские и украинские земли, входившие в состав Речи Посполитой, в середине XVIII века благодаря идее «сарматизма». Вначале эти части костюма, особенно золототканые, завозили с других территорий, магнаты выписывали их из Турции и Персии, платя огромные суммы, достигавшие 500 дукатов (1 дукат был равен 3, 45 грамм золота). Образцовыми считали изделия мастеров из Османской империи, Персии, Ирана, Китая.

Разорительная мода принудила создавать собственные фабрики уникальных поясов, так называемые «персиярни» (от слова «Персия») [2].

Со временем становится буквально делом чести для каждого шляхтича носить на кунтуше узорный пояс. Наиболее ценными считались так называемые литые пояса, вытканые с добавлением золотых или серебряных ниток. Слущкие пояса повязывались сверху кунтуша — мужской верхней одежды, к поясу крепилось оружие. В зависимости от статуса шляхта носила разные пояса. На самые дорогие